ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРА

МОНОГРАФИЯ

ЦЕНТР НАУЧНОГО ЗНАНИЯ «ЛОГОС»

МОНОГРАФИЯ

ЧЕЛОВЕК. ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА

под редакцией доктора философских наук, профессора
Титаренко И. Н.

г. Ставрополь
2013

УДК 304
ББК 6/8
Ч - 39

Рецензенты:
Ковчина И. М., доктор педагогических наук, профессор.
Кирищиева И.Р., доктор экономических наук, доцент.
Красина И.Б., доктор технических наук, профессор.

Авторский коллектив: Алиева З. К. (Глава 6), Макарова Н. Г. (Глава 2), Овшинов А. Н. (Глава 7), Полищук Е. П. (Глава 3), Тырина М. П. (Глава 4), Янковский С. В. (Глава 1), Яшник С. В. (Глава 5).

Человек.Общество.Культура: монография./под ред. И. Н. Титаренко – Ставрополь: Логос, 2013. – 159 с.

ISBN 978-5-905519-31-4

Монография адресована преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

ISBN 978-5-905519-31-4

© Центр научного знания «Логос»
© Коллектив авторов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ... 3

Глава 1. Принцип разнообразия в формировании единства социально-культурного мира ... 5

Глава 2. Человек в современном обществе и его особенности когнитивной картины мира ... 23

Глава 3. Человек эстетический: образ и мышление в свете эстетической антропологии ... 58

Глава 4. Анализ зарубежного опыта развития дидактической культуры педагога ... 77

Глава 5. Ментальные детерминанты управленческой культуры ... 96

Глава 6. Динамика самоидентификации и тематико-идеалогические рецепции культур азербайджана и Украины ... 117

Глава 7. Калмыкия в конституционном пространстве российской национальной идеи ... 135

Оглавление ... 155

Сведения об авторах ... 158

ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ: ОБРАЗ И МЫШЛЕНИЕ В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ©

Трансформация приоритетов, способа организации социального бытия и ценностной сферы наличной цивилизации, сейчас приобретающие все более четкое проявление, с одной стороны, обусловлены динамическими процессами современной жизни и одновременно выступают следствием переориентации современного цивилизованного человека на другие идеалы, чем в предыдущие эпохи. В фиксируемых изменениях многие современники все чаще стремятся понять особенности и место человека во Вселенной, чтобы найти нужные средства адаптации к новой ситуации. В условиях глобализационных процессов, экологического и экономического кризисов, социальной напряженности и культурных метаморфозах все острее становится проблема факторов и путей самоутверждения человека в мире. Как пример подобного - появление антропного принципа в постнеклассической науке, который приобретает все большее одобрение у современных ученых разных областей знания; рост интереса к иррациональным моментам в человеческой жизни; ощутимое возрастание авторитета так называемой альтернативной науки, особенно в исторических исследованиях и т.п.

В кризисных условиях существования человечества на рубеже XX-XXI веков, обусловленных как социальными факторами при глобализации, так и несколько нетипичным ростом природных катаклизмов, особое значение приобретает осмысление феномена человеческого мышления как основы деятельности человека и формирования его представлений о реальности. Его исследование требует разнопланового анализа на основе междисциплинарного опыта, или даже междунаучного, и может рассматриваться в нескольких аспектах.

Одним из них является анализ разновидностей мышления - технического, научного, художественного и т.п., который позволяет не только углубить представление об их истоках и специфике, но и понять реальную ценность каждого при современных цивилизационных изменениях. (Нам более импонирует говорить о стратегиях мышления, а не о видах или стилях). Ведь они связаны с конкретными человеческими интересами, стремлениями и запросами, неодинаковыми практиками и различными ценностями в человеческой жизни. Следовательно, речь идет об их различном значении при кризисных условиях существования современного человека и общества из-за различий адаптационного потенциала каждого из них.

Как полагает В. Розин, целесообразно различать философское, научное, проектное (техническое), религиозное, эзотерическое и художественное мышления потому, что они различны по значимости или елиминованости у них

© *Полищук Е. П., Житомирский государственный университет имени Ивана Франко, г. Житомир, Украина*

индивидуального начала мысли - личностного опыта, самобытности убеждений и т.д. человека в познании и творчестве.[1] По его мнению, в трех первых сферах человеческой деятельности мыслительный процесс, так сказать, пронизан эмотивностью и имеет личностно-неповторимый смысл, а в других подобное не важно через ориентацию на достижение истины или же прагматически-ориентированного результата. Следовательно, пока выделения видов (стилей или стратегий) мышление человека связывается, прежде всего, с различиями личностной интерпретации предметного содержания его деятельности и ее персональной ценности для него.

Однако данная проблема имеет несколько маргинальный характер в современной науке, прежде всего гуманитаристике - культурологии, философии, эстетике, религиоведении, искусствоведении, этнографии, и ее рассмотрение считается приоритетом психологических исследований. А также полагается, что главную лепту в понимание подобного внесут исследования психофизиологов. Другими словами, мышление человека выступает объектом исследования (теоретического и экспериментального) прежде психологии и психофизиологии, а интерес к нему со стороны других наук есть более скромным. Именно благодаря психофизиологическим и психологическим изысканиям на сегодня наукой признано существование различных типов мышления (наглядно-действенного или операционного; образно-ассоциативного; абстрактно-логического или абстрактно-понятийного) и видов мышления (теоретического и практического; дискурсивного и интуитивного; продуктивного и репродуктивного и т.п.).

Обратим внимание, что разновидности (стили или стратегии)мышления основываются на оперировании разной информацией и зависят от разной ценностной детерминации. В противоположность научному мышлению, и это нужно подчеркнуть, художественное, религиозное или магически-оккультное выступают разновидностями образного мышления, если учитывать важность для них информации образного типа, как в истоках мыслительного акта, так и в его результатах. Стоит при этом указать, что углубленное исследование образного мышления признается сейчас одним из приоритетных направлений научных исследований, прежде всего благодаря стремительному развитию информатики и кибертехники. Но анализ этой проблемы имеет, на наш взгляд, несколько робкий характер и в некоторой степени есть узко специализированным.

Следует указать не просто на недостаток внимания к религиозному, мифологизированному, магическому или художественному мышлению, которые базируются преимущественно или исключительно на образном субстрате мысли, со стороны психологического и естественнонаучного знания. Стоит подчеркнуть незначительный интерес к этому вопросу и философов (гносеологов, религиоведов, эстетиков), и искусствоведов: Т. Адорно, А. Андреев, Р. Барт, Ю. Борев, И. Витюк, М. Игнатенко, В. Исаев, Л. Левчук, А. Малиновская, С. Овчаренко, Е. Онищенко, Т. Орлова, В. Розин, О. Рочняк, Э. Фромм, Т. Шелупахина и др. Подобное

[1] Розин В. М. Природа и особенности эзотерического познания / Розин В. М. // Философские науки. — 2003. — № 4. — С. 144-157.

относится и к культурологическим изысканиям.

Другими словами, необходимо указать на несколько маргинальный характер интереса современной науки, и гуманитарной в том числе, к проблеме существования разновидностей мышления образного типа (если учитывать численность публикаций по данной теме, и вообще ее общую степень анализа). О состоянии исследования проблемы природы и специфики художественного мышления, например, можно говорить с уверенностью, что фиксируем недостаточную степень ее разработки, ведь большее внимание уделяется возможностям подобного мышления, а не специфике или природе. Относительно последних достаточно показательна позиция психологов и психофизиологов. Например, Г. Базеян и В. Ротенбергом рассмотрена специфика художественного мышления, точнее поэтического, которая связывается с высокой степенью эмотивности его носителя,[2] а также с его "леворукостью", которая ему помогает.[3] Кроме того, вне круга исследовательского интереса находится, фактически, и вопрос возможности типологизации этого явления. Показательно, что его носителем обычно считается исключительно художник, реже - человек, включенный в художественное творчество. И лишь отдельными исследователями привлекается внимание к тому, что его носителями могут быть, например, и дизайнеры, инженеры или ученые, имеющие некоторые личностные особенности.[4] Относительно уровня разработки проблемы природы и специфики религиозного мышления можно утверждать то же самое - ее касаются только отдельные исследователи, обычно в контексте другой проблемы.[5] Несколько более повезло вопросу специфики мифологизированного мышления, но мышление магическое или же магически-оккультное, эзотерическое, практически не исследуется (уровень знаний не пошел далее классических работ предыдущего столетия: идеи "дологического мышления" Л. Леви-Брюля, идеи "примитивного мышления" К. Леви-Стросса, концепции К. Г. Юнга о связи так называемого примитивного мышления с архетипами несознательного и др.). Но недавние опросы населения различных стран Европы и Азии свидетельствуют, что многие жители, например, Китая или же Украины часто прибегают к услугам "магов" различных мастей или

[2] Базеян Г. А. О психологических особенностях художественного сознания / Г. А. Базеян // Вопросы психологии. — 2001. — № 4. — С. 81-90.

[3] Ротенберг В. С. Внутренняя речь и динамика поэтического мышления / В. С. Ротенберг // Философские науки. — 1991. — № 6. — С. 157-164; Ротенберг В. С. Психофизиологические аспекты изучения творчества // Психология художественного творчества: хрестоматия / [сост. К. В.Сельченок] / В. С. Ротенберг. — Мн., 1999. — С. 569- 593.

[4] Поліщук О. П. Художнє мислення: естетико-культурологічний дискурс : [монографія] / Олена Поліщук. — К. : Вид. Парапан, 2007. — 208 с.; Пригорницька А. А. Естетосфера сучасного дизайну : дис. ...канд. філос. наук : спец. 09.00.08 / Пригорницька Анжеліка Андріївна. — К., 2005. — 189 с.

[5] Вітюк І. Концепт релігійного мислення Еріха Фромма / Ірина Вітюк // Актуальні проблеми сучасної філософії та науки: творче, критичне і практичне мислення: зб. наук. праць. — Житомир: ЖДЦНТЕІ, 2009. — С. 31-32.; Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – К. : Вища школа, 1985. – 295 с.; Фромм Э. Психоанализ и религия / Эрих Фромм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. Яковлева. — М.: Политиздат, 1990. — С. 143-221.

практикуют магический культ на свой страх и риск, так сказать, по-старинке или благодаря Internet ресурсам.

Кроме того, стоит обратить внимание и на некоторые другие моменты в жизни современного человека. В последние десятилетия педагогами и специалистами других областей знания отмечен рост количества людей, которые названы носителями "нового сознания" (индиго, кристаллы, радужки): среди школьников младших классов 60-70 % - "Новые дети", в средней школе около 40 % школьников являются "Новыми детьми". Но вот среди школьников старших классов их только 20-25 %, а среди юношей "Новых детей" - от 6 до 12 %, среди 30 летних - только 1 на 600 человек и еще меньше среди 50 летних или пожилых людей - 1 на 1-5 тысяч.[6] Утверждается, что "новым детям" свойственна как чувствительность, так и, что показательно - особое мышление. Потому, что они ориентируются в системе "Я - Мир" как бы "сердцем". Они также очень активные и нетерпеливые, поэтому требуют усиленного внимания со стороны взрослых, но при этом не по возрасту развитые, креативные, демонстрируют значительную степень одаренности. Поэтому 29 января уже празднуется в 100 странах мира как День "детей нового сознания", поскольку наблюдается тенденция к их росту.

Но не менее привлекает внимание и еще один момент в жизни современного человека - рост численности левшей за последние десятилетия. Если еще 30 лет назад около 19 % людей были левшами, а сейчас их уже около 30 % среди современного населения.[7] То есть, уже не каждый пятый, а почти каждый третий человек стал "леворуким". Поэтому 13 августа даже отмечается как День "левши" (с 1976 года). И причина подобного не совсем понятна ученым (среди животных встречаются "левши" - до 2 % в популяции, однако у них на сегодня не замечена тенденция к росту количества левшей). И следует напомнить о феномене амбидекстр, которые тоже расширяют круг представителей "нетипичных" современников или же "других людей", особенно среди детей и молодежи.

Важным является то, что всех "других людей" объединяет общая черта - важность образного субстрата мысли в различных видах деятельности и в их мироотношении. Поэтому обращение к анализу этого аспекта жизни современного человека представляется не только актуальным, но и практически важным.

Особенно, если обратить внимание на возможность появления в ближайшие 30-40 лет в современном сообществе около 50 % "левшей", не считая амбидекстр (если зафиксированная тенденция будет продолжаться). То есть каждый второй человек в ближайшем будущем будет, возможно, опираться в своей жизнедеятельности на потенции образного мышления. "Другой человек", следовательно, предстает уже не как объект видения отдельного мыслителя (Ф. Ницше, Р. Штайнер, Г. Гурджиев, Г. Кезерлинг, П. Успенский или же Д. Андреев). И это не плод, в таком случае, только научно-фантастического произведения: В. Бережный, Г. Уэллс, У. Ле Гуин, Дж. Роулинг и др. В этом случае

[6] Кудрик Л.Г. Діти індиго – зерна нового людства / Кудрик Л.Г., Сурмяк Ю.Р. – Львів: Аверс, 2011. – 375 с.

[7] Электронный ресурс: http://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_день_левши

"Другой человек" – уже существо в плоти и крови, и кто знает, будут ли у него возможности М. Нострадамуса, Э. Сведенборга, В. Блейка, Новалиса или какие-то другие, но все же отличные от большинства современников.

В целом подчеркнем недостаточную степень исследования проблемы природы и специфики разновидностей мышления образного типа в современной науке, что и обусловливает необходимомть данного исследования. Поэтому стремимся, как цель, привлечь внимание к образной стратегии мышления современного человека, предположив ценность для нее эстетического момента, как детерминанты или важного элемента в ее существовании. Даже предполагаем, что возможно и даже нужно говорить о существовании в пределах популяции Человека эстетического, вспоминая идею А. Г. Баумгартена об объекте эстетики как αισθηία ειήτημως αίθητιχης (чувственно воспринятые знаки чувственного)[8] и учитывая количество тех современников, для которых важной есть образная информация в их ориентировке в мире, а также и способе присутствия в нем.

Следует вспомнить эволюцию представлений человека о своем мышлении. Ценность собственного мышления и его своеобразие им признана еще в период Древнего Мира. Ведь Гераклитом замечено, что каждому человеку свойственно мыслить и познавать самих себя, Пифагором же отмечена важность размышления для приобретения человеком адекватных знаний о мире, а Парменидом предположено даже тождество человеческого мышления и бытия. Приоритет разума и мышления в человеческой жизни отстаивал и Аристокл, подчеркивая, что только умозрительно можно узнать эйдосы, которые создают истинное бытие - мир вечных и неизменных сущностей. По Аристотелю, мышление предстает функцией души, поэтому человек не может не мыслить, и мышление разворачивается в различных формах, подчиняясь определенным процедурам; следовательно, человека и необходимо обучать искусству надлежащего рассуждения на основе специальных процедур - органона и аналитики.

Для Аврелия Августина, представителя ранней христианской теологии, существование так называемого внутреннего человека не возможно без мышления и понимания. А номиналистами Средневековья признается, в качестве необходимого звена, обретение человеком знаний о мире посредством размышления: на его основе возникают своеобразные ноумены, которыми он обозначает общие признаки предметов. Например, У. Оккам твердо убежден, что общие понятия формируются у человека благодаря мышлению и необходимы для появления его адекватных представлений о мире, а П. Абеляр даже произнес тезис: "Понимать, чтобы верить", и наделил мышления функцией одного из краеугольных камней в появлении истинных знаний у человека. В эпоху Возрождения мышление также рассматривается атрибутом человеческого ума, наряду с ощущением, воображением и рассуждением (Николай Кузанский).

В Новое время пиетет к ценности мышления человека как оперирования

[8] Баумгартен А. Г. Философские размышления / A. Baumgarten // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. – М. : Искусство, 1964. — Т. 2. Эстетические учения XVII-XVIII веков. — С. 452.

понятиями, суждениями и умозаключениями еще более возрастает: за Р. Декартом, такое мышление - это важнейшая черта человеческого бытия, хотя И. Кантом и высказывается соображение о существовании априорных и апостериорных форм мышления. О диалектическом характере человеческой мысли убежден Г. Гегель, но отмечает при этом ценность разума, дискурса в приобретении истины. И только Дж. Вико замечает художественно-мифологическую направленность мысли человека в древние времена, но он остается длительное время "большим одиноким" в таком убеждении. В дальнейшем философском и научном анализе мышления, его природы, специфики и роли для человека подобное мнение является как бы маргинальным при дискурсе краеугольных факторов самоидентификации человека, поскольку научной классификацией последнего названо еще К. Линеем как Homo sapiens, и, впоследствие, в XX веке такое представление еще более углубленно - Homo sapiens sapiens. Разум или ум, опять же, связываются почему-то с абстрактно-понятийным мышлением. Поэтому и О. Конт, говоря о важности появления так называемой позитивной философии, считает необходимым ее создавать на основе критериев полезности, реальности, достоверности и точности человеческой мысли, подчеркивая при этом ценность мышления как основы их приобретения. Но источником достоверного знания им называется научное познание, которое реализуется благодаря процедурам и формам логического рассуждения. И, соответственно, в таком случае ценностью выступает рациональность, основанная на дискурсе. Достоверность фактически отождествляется с доказательностью в конкретной форме. И критерий реальности - не более чем пожелание, поскольку в области гуманитарного знания, которое фиксирует очень специфический объект - человека, его совместить с критериями точности и достоверности достаточно проблематично, хотя бы потому, что нужно учитывать многомерность человека. (Правда, такая точка понимания этой проблемы не всегда учитывается).

Однако уже на рубеже XIX-XX веков наблюдается появление более взвешенной, на наш взгляд, оценки истока самобытности человеческого мышления. Вслед за Дж. Вико, А. Потебня предполагает наличие поэтического и научного мышления, как разновидностей человеческой способности к рассуждению и форм ее реализации, а Л. Леви-Брюлем и К. Леви-Строссом выдвинуты идеи так называемого дологического мышления человека первобытности и дикарского мышления, в которых не всегда человек использовал формы и процедуры абстрактно-логического мышления. Как убежден К. Ясперс, истоки образа мышления современного цивилизованного человека коренятся в событиях "осевого времени", а также и в культурном своеобразии Древней Эллады (в последнем случае наблюдается рефрен позиции Ф. Ницше). Кроме того, по мнению К.Г. Юнга, необходимо различать мышление человека восточной и западной культуры, и им, в соответствии с психоаналитической традицией, позицией оккультизма, мистицизма и интуитивизма, также подчеркнута важность не только рациональных, но и иррациональных моментов в формировании человеческой мысли.

Даже такое беглое рассмотрение философского наследия фиксирует довольно устойчивый интерес исследователей к мышлению человека, его истокам, самобытности, хотя все же в достаточно "одномерном" ракурсе интереса. Но

образное мышление и его производные или разновидности – это не предмет специальных философских изысканий, впрочем, как и научных исследований.

Современной наукой мышления рассматривается информационной деятельностью, которая дает человеку возможность создавать представления о мире, моделировать ситуации и направляет его активность через целеполагание и планирование действий на практическую реализацию интереса или же потребности. Мышление исследуется специалистами разных областей знания: психофизиологии, когнитивной психологии, психологии творчества, гносеологии, логики, семиотики, кибернетики, лингвистики, искусствоведения, этнографии и т.д. Исследуется в разных аспектах. Однако при достаточно длительном научном интересе человеческое мышление все же есть явлением, лишь отдельные грани которого более-менее исследованы (подразумеваем абстрактно-понятийное мышление). Видимо поэтому и считается, что в текущем веке именно мышление человека может стать важным объектом научного исследования и вызвать возрастающий интерес тех отраслей научного знания, которые ранее не уделяли ему углубленного внимания, в частности эстетики и культурологии.

При этом стоит отметить, что сегодня признается ценность развития теории образного мышления, учитывая стремительное использование образных визуальных компонентов информации в быту, производстве, рекламе, СМИ и т.п. Однако при этом, что представляется достаточно показательным, указывается потребность в ее развитии в пределах кибернетики и теории систем. То есть, речь идет не о дальнейшем изучение образного мышления человека, как принципиально отличного от абстрактно-понятийного или абстрактоно-логического, а только о расширение использования символично образного субстрата при создании различных кибернетических объектов. Но образное мышление является той grand misteria, что позволяет "леворукому" человеку демонстрировать определенные преимущества в способности к творчеству в различных сферах жизни или же неординарность (в положительном смысле). Достаточно вспомнить хотя бы такие исторические фигуры, важные для развития человеческой культуры, как Леонардо да Винчи, Г. Галилей, М. Лютер, Ч. Дарвин, А. Эйнштейн, К. Войтила и др. И не менее показательным есть еще один момент их биографий – это довольно развитые эстетически личности.

Именно это и обусловливает, на наш взгляд, необходимость актуализации проблемы различных видов (или стратегий) мышления человека за критерием специфики их мотивационно-ценностного момента в детерминации, а именно: научного, технического, художественного, магического и т.п., которые обусловленны опорой на различные практики в человеческом бытии.

В этом контексте анализ художественного мышления, как идеального начала не только художественного творчества и вообще художественной деятельности человека, но и эстетической, а также основы его художественного познания и преобразования им действительности по принципу гармонии представляется достаточно плодотворным для научных исследований не только в теоретической плоскости, но и практическом смысле. Ведь художественное мышление нацеливает своего носителя на поиск и привнесение гармонии в жизнь, и не только

собственную. И речь идет не только об искусстве.

Обращение к анализу религиозного (религиозно-культового) мышления также представляется не менее важным, ведь относительно его носителя следует указать на компенсаторно-гедонистическое начало его мысли и действий на основе трансформации внутренних состояний под влиянием определенных мировоззренчески-ценностных ориентиров и нравственных принципов. Ему присуща так же духовная активность, которая помогает адаптироваться к имеющимся условиям жизни. А также следует подчеркнуть, что практически в любом религиозном культе современности присущ эстетический момент, и он играет не последнюю роль в привлекательности культа на уровне сенситивной информации.

Несколько другой, как полагаем, есть ценность эстетического момента для носителя магического мышления (или же эзотерического). Но и здесь он важен. Учитываем то, прежде всего, что у разных образных стратегий мышления имеется неодинаковая степень опоры на образную информацию при порождении мысли. И природа подобной информации, как и внутренние стимулы ее отбора, также варьируются.

Целесообразным сейчас представляется обращение к некоторым идеям Дж. Бруно, высказаных в его работе "О героическом энтузиазме". Осмысливая человека как Микрокосмос, мыслитель касается вопроса поиска основ его гармонии с Вселенной: через воображение и развитый интеллект, как монадное отражение мира, человек и способен, на его взгляд, стать гармоничным элементом Универсума. По Дж. Бруно, Вселенная существует через организацию как "все во всем". Поэтому он обосновывает наличие субстанции, которая сочетает в себе высшую истину, красоту и благо, пронизывая все что угодно во Вселенной и проявляясь через высшую составляющую человеческой души, а именно - интеллект. (Стоит напомнить, что идея партиципации, так похожая на размышления Ноланца, является основной, как предпосылка, для магического культа и последователей оккультизма). В связи с этим, через выдвижение идеи героического энтузиазма им поставлен вопрос о существовании особого основания для формирования человеческого интеллекта, способного к порождению или восприятию истины, красоты и блага в неразрывном единстве, как основу гармонии Универсума.

Не менее интересной представляется и еще одна бруновская идея - различия природы и, следовательно, последствий человеческого энтузиазма. В частности Дж. Бруно пишет, что "другие, опытные и усовершенствованые в созерцаниях" имеют особый дух - прирожденный светлый и осознающий. Показательно, что внутренним стимулом и естественным стремлением в жизни таких людей есть любовь к божеству, справедливости, истине, но что показательно, и славе. Он убежден, что "огнем желания" и "стремлением настойчивости" такие люди *обостряют у себя чувство*, и в "страданиях" своей мыслительной способности

"зажигают свет разума", и с ним идут дальше обычного человека.[9] Именно они наделены, как он афористично подчеркивает, не достоинством осла везущего святое причастие, а достоинством самого священного предмета. Такие энтузиасты – именно носители положительного энтузиазма, привносят, как полагает Дж. Бруно, одновременно истину, красоту и благо в человеческое существование, и это не "слепой" энтузиазм, ибо основан на сознательных усилиях человека.

И главное, стоит обратить внимание на ценность, по Ноланцу, навыка созерцания, а также значения чувств при появлении подобного энтузиазма. Он считал, что подобный энтузиам есть "умным порывом", поскольку таким людям присущи "любовь и мечты о прекрастном и хорошем, при помощи которых мы превращаем себя и получаем возможность стать совершеннее и уподобиться им".[10] Итак, подобным людям присуще своеобразное мышления, как в познавательном, так и деятельностном проявлении, что выступает средством их духовного совершенствования, а не только привлечения к субстанции или "высшей" истине. А также они отличаются эстетическим и моральным развитием, и нацелены на духовное развитие.

Приведем и вот такое высказывание Г. Гурджиева при самооценке истоков собственного интереса к духовным практикам: "Эта мания начала наслаиваться на мое существо во времена юности ... и заключалась в том, что мне хотелось бы теперь назвать "неудержимым стремлением" понять точный смысл жизненного процесса всех внешних форм дышащих существ на земле и особенно цель человеческой жизни в свете этого толкования".[11] И далее он признал некоторую *не типичность* как *собственного Я*, так и непосредственного окружения. И даже утверждал, что "я с детских лет обладал определенными данными, позволившими ко времени моего ответственного возраста развить в моей индивидуальности несколько оригинальных врожденных черт, включая и эту особую черту неизбежного импульса и стремления понять самую суть любого предмета, который привлек мое внимание, в результате чего в моих мыслях постепенно и даже незаметно для моего бодрствующего сознания начало формироваться "нечто", прояснившееся вскоре после сильного духовного горя...". И далее, он указывает, что "такая сформированная характеристика моего ума начала с тех пор (при контакте с продуктом частого повторения некоторых автоматических ассоциаций) порождать в моей целокупности то, что я в другом месте назвал "неугасимым стремлением".[12]

Также стоит напомнить, что в гурджиевской традиции значительная роль отведена "движениям" - особым танцам и упражнениям, созданных им в рамках "Института гармонического развития человека". Именно этот элемент был признан его последователями (прежде Ж. Матиньон де Залыц) краеугольным в данной

[9] Бруно Дж. О героическом энтузиазме / Дж. Бруно; Пер. с итал. — М.: Художественная литература, 1953. — С. 52-53.

[10] Там же. — С. 53.

[11] Гурджиев Г. Вестник будущего блага. Беседы с учениками / Георгий Гурджиев. — М.: Энигма, 2011. — С. 20.

[12] Там же. — С. 21-22.

духовной практике самосовершенствования человека. Обратим внимание на определенное сходство идеи "героического энтузиаста" Дж. Бруно и рассуждения Г. Гурджиева о "неудержимом стремлении", а также на роль эстетического компонента в реализации последним проекта духовного развития человека. Можно вспомнить, как пример, и роль эвритмии для Р. Штайнера и многих его последователей. Поэтому выскажем предположение о большой степени зависимости мышления отдельных личностей от созерцания и чувственных стимулов. Кроме того, здесь необходимо акцентировать внимание, на наш взгляд, именно на важности эстетических стимулов для развития образного мышления у человека, включенного не только в художественную практику, но и другие практики. Можем, следовательно, рассмотреть подобное как основание для обоснования существования стратегии художественного мышления.

В связи с этим обратим внимание на период постнеклассического развития науки, а именно исследования современных эстетиков, которыми поставлены новые акценты в осмыслении феномена художественного мышления. В частности С. Овчаренко углубляет представление об истоках художественной мысли, отмечая новый ракурс этой проблемы. Инорациональность, по ее мнению, - это то, что обеспечивает специфику художественного мышления. Обычная рациональность присуща, как она полагает, феномену логико-дискурсивного мышления и вывода человеческой мысли, а явление инорациональности есть развертывания последних в других механизмах. Речь идет не об иррациональном характере художественной мысли в ее истоках, а о нечто ином при фиксировании и оперировании информацией. Художественное мышление - не дискурсивное, здесь улавливание и оперирование человеком информационными сигналами и сообщения в творческом поиске совершенно иное, - убеждена исследовательница.[13]

Что же такое стратегия художественного мышления как разновидность образного мышления человека? И почему ее важно развивать? Как она соотноситься с другими стратегиями образного мышления? Попытаемся дать ответы на эти вопросы.

Первое утверждение – носителем подобной стратегии не обязательно есть художник или музыкант, актер или скульптор, но эстетически развитая личность. Творческая личность, например ученый как ее носитель, при возникновении замысла использует композиционную схему (наглядно-образного или чаще символического плана), как некоторое эстетическое явление – в случае, если он эстетически развитая личность. И лишь впоследствии применяет формы и аппарат научного мышления при реализации первичного замысла. (Достаточно вспомнить, хотя бы, историю появления теории относительности, а также любовь А. Эйнштейна к игре на скрипке). На наш взгляд, информационный отбор значимой

[13] Овчаренко С. В. Бінарність мислення та діалог в культурі // Актуальні проблеми історії, теорії та практики художньої культури : зб. наук. пр. : [у 2-х ч.] / С. В. Овчаренко. — К., 2003. — Вип. XI, ч. 1. — С. 53-59; Овчаренко С. В. Інформаційність жанру : [монографія] / С. В. Овчаренко. — Одеса : Астропринт, 1998. — 188 с.; Овчаренко С. В. Типологія жанрів як форм художнього мислення // Актуальні проблеми теорії та практики художньої культури : зб. наук. пр. : [у 2-х ч.] / С. В. Овчаренко. — К., 1998. — Вип. 2, ч. 2. — С. 117-134.

для этого информации осуществляется по эстетическому критерию - на уровне поиска совершенного или (и) нетипичного во внешних признаках объекта (форма, пропорциональность, цвет и т.п.). И на них такой человек сосредоточит внимание при решении некой задачи.

Следовательно, для подобной стратегии человеческого мышления важен эстетический компонент в истоках и результатах. И она имеет продуктивные и позитивные результаты для человеческой жизни через соразмерность человеку. Стоит отметить, что такая стратегия человеческого мышления возникает, на наш взгляд, вследствие инологики - отличной от дискурса информационной обработки насущной проблемы. То есть, следует обратить внимание на другой тип информационной проработки проблемы, на котором основываются механизмы функционирования такой стратегии мышления. Имеет место рациональность вне дискурса, присущего процедурам и формам абстрактно-понятийного мышления, на которые опирается научное или технико-проективное мышления. Как инорациональность, за терминологией С. Овчаренко, художественная рациональность обуславливает различия художественного мышления в процессуальном и содержательно-функциональном аспекте в сравнении с вышеуказанными стратегиями человеческого мышления. Она присуща, подчеркнем, "эмоциональному интеллекту", воспользовавшись понятием Ж. Крайг.

Довольно трудно реконструировать стратегию мышления отдельного человека в течение различных периодов его жизни, еще более тяжело - группы, особенно, когда речь идет о их изменчивости в ретроспективном аспекте. Однако, благодаря трудам Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Ф. Кликса, А. Потебни и других понятно, что человеческое мышление человека в древности и в наше время имеют отличия и в процессуальном, и в содержательно-функциональном смысле. Образность и личностно-ценностный смысл - это характерные признаки художественного, магического (эзотерического) и религиозного мышления. Последнее качество важно и для носителей философской мысли, но вот с образностью здесь ситуация совершенно иная. Однако, ценностное ядро у каждого из них, на наш взгляд, имеет совершенно разное содержательное наполнение. Их различия обусловлены как родовым становлением человека во времена архаики, так и всеми последующими этапами антропогенеза и культурогенеза, особенно со времени появления нашей цивилизации.

По убеждению Ф. Кликса, базовыми свойствами архаического мышления были: интерпретация неизвестного по аналогии с известным, а также идентификация индивида, его социализация на основе обычаев рода для согласия и социализации.[14] Относительно его характерных признаков немецкий психолог утверждает, что ему присущи: высокая степень интегрированности индивида и природы (больше всего это находит выражение в анимистическом мышлении), чрезвычайная духовная и эмоциональная привязанность индивида к роду, высокая эмоциональная чувствительность и аффективность в общении; значительный

[14] Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – К. : Вища школа, 1985. – С. 146.

уровень образности и иконически верное воспроизведение предметов при воспоминаниях и в представлениях.[15]

Обратимся к более углубленному анализу того, почему данное явление привлекает внимание специалистов различных областей знания значительно реже за научное. Укажем прежде всего о наличии разных позиций в понимании истоков и своеобразных черт художественного мышления, сложившихся в рамках конкретных наук. В частности, психология рассматривает художественное мышление явлением, обусловленным включением личности в художественное творчество, а важной операционной чертой данного явления пока считается опора человеческой мысли на нерациональный компонент человеческой психики и образный субстрат репрезентации. В философской традиции преобладает его рассмотрение как источника особого знания - художественного, сформированного на основе художественной практики или художественной рецепции, художественной коммуникации. Для искусствоведения художественное мышление выступает явлением, зависящим от творчества прежде всего конкретного художника, поэтому используются понятия пластического, музыкального и т.п. мышления. Со своей стороны, эстетика связывает его с индивидуальным процессом мышления художника, или же существование художественного мышления иногда рассматривается обусловленным наличием личности, вовлеченной в художественное творчество как особый вид человеческой деятельности, направленный на человеческую самореализацию, игру и т.п. Рассмотрение художественного мышления как репрезентанта самобытности художественной практики конкретно-исторического периода генезиса человечества или его локальной группы, возникнув в лоне эстетики, все отчетливее приобретает культурологическое значения. При осмыслении данного феномена в ракурсе его важности для художественного познания, эстетического и художественного освоения действительности человеком намечается, как представляется, философско-антропологический ракурс его анализа, а точнее эстетически-антропологичный.

Показательным представляется, что природа и своеобразие художественного мышления по-разному понимались научной мыслью (в плане генезиса проработки этого вопроса). Это обусловило отсутствие единой концептуальной модели понимания его истоков, сущности и самобытности и наличие нескольких альтернативных позиций в трактовке этого явления, сложившиеся исторически. Согласно первой, оно рассматривается основой художественного творчества и связывается с личностью художника. По второму, художественная мысль выступает основой творчества в любой сфере, результатом чего является появление совершенного предмета и положительных чувственных сдвигов в человеке при его создании или созерцании. Относительно третьего подхода, художественное мышление рассматривается обусловленным фило- и онтогенезом человека, и это направление исторически наиболее позднее.

[15] Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – К. : Вища школа, 1985. – С. 143-145.

В рамках последнего подхода, данное явление считается результатом творческой деятельности духовной субстанции Вселенной, и человек признается проводником духовных основ существования мира - красоты и мудрости, через создание произведений искусства. Поэтому в трактовке природы и своеобразия художественного мышления можно указать, как видится, следующие теоретические позиции в понимании его истоков, а именно: рассмотрение этого явления как существующего только в пределах художественной практики (последняя, однако, не всегда понимается результатом исключительно художественно-творческой деятельности человека). Или же трактовки его феноменом, обусловленным занятием человеком художественным творчеством, следствием которого является появление чисто художественных инноваций как "элементов развлечения" - картин, музыкальных композиций и подобного. Есть еще один вариант его понимания - оценка данного явления как связанного не только с художественным творчеством, но и художественно-рецептивной деятельностью человека и художественной коммуникацией; рассмотрение его как феномена, связанного с творчеством как художников, так и отдельных ученых. Таким образом, фиксируем ряд явлений, как объектов художественного мышления. Прежде всего - это интеллектуальная деятельность человека, направленная на создание произведений искусства. Также и духовный феномен или психическая активность, связанные с художественно-рецептивной деятельностью; или значительным степенем развития художественного сознания. Но это могут быть и эстетические моменты научного поиска, основание художественно-коммуникативного акта. То есть, это разновидность мышления со своеобразным процессом протекания, целью, социальным значением; внутренняя активность, связанная с эстетическим оцениванием действительности.

Поэтому художественное мышление в содержательно-функциональном и причинно-факторном ракурсах следует рассматривать, как представляется, явлением, которое основывается преимущественно на образно-ассоциативном субстрате мыслительных операций (в противоположность формам и процедурам абстрактно-понятийного, дискурсивного размышления, присущего научному мышлению). Считается, что художественное мышление сохраняет в формах своего существования специфику чувственного познания и освоения человеком мира, и обусловливает его своеобразие в результатах. Важным для него признается образный компонент в структуре мыслительной акта, а иногда и в результате последнего (А. Андреев, А. Арнхейм, Ю. Борев, Ю. Воробей, И. Грызовая, М. Игнатенко, М. Илиаде, Г. Ермаш, Д. Кучерюк, Л. Левчук, Б. Мейлах, Т. Орлова, С. Раппопорт и др.).

Кроме того, отметим необходимость учитывать и их существенное отличие от наглядно-образного субстрата мысли, для которого не имеют особого значения символические образы, особенно важные для мышления художественного и в меньшей степени - научного или философского. Укажем и то, что для художественного мышления особое значение имеет личность, ее опыт, убеждения, ценности и т.п. В этом, как подчеркивают некоторые ученые (Е. Володин, В. Розин), заключается его отличие от научного мышления (если рассматривать

задачи и сферу приложения мыслительной акта). И в данном аспекте художественное мышление похоже на философское. Научное же мышление в этом отношении более похоже на техническое мышление. В естественных, технических или инженерных науках значение личности автора открытия, изобретения, технической мысли и подобного минимальна. Другими словами, личностный аспект существования "Я" здесь может считаться малоценным или вовсе не важным, потому и элиминированым из процесса мышления, познания, действия. В философии же авторская модель миропонимания и мироотношения - основа своеобразия мышления и творчества философа. (Но для философских исследований важна традиция, в которую вовлечен каждый конкретный мыслитель, и которая определяет требования и актуальные для определенной эпохи проблемы, выбранные им для проработки. При создании художественной ценности или произведения подобные факторы не всегда и не столь важны. Прежде всего здесь имеет значение самореализация или самовыражения личности, а также ее собственное осмысление актуального культурного материала, к которому она подключена профессионально или при некоторых обстоятельствах.

Отличается художественное и научное мышление еще и тем, что последнее более прагматичное и ориентированное практически (как и техническая мысль). В этом есть его родство с философским стилем (стратегией) мышления.

Еще одно их существенное отличие обусловливается особенностями рациональности каждого из них. Художественную рациональность, присущую художественному мышлению как стратегии человеческой информационно-интеллектуальной деятельности, можно рассматривать не дискурсивной за природой, ценностно-регулятивной по сути и эстетически ориентированной, что фиксируется в ее функциональной направленности. Такие признаки отражают ее существенное отличие от других разновидностей рациональности, в частности научной. Научная рациональность обусловлена дискурсивным истоком и целерациональностью направлености (М. Вебер). Поэтому для фиксации содержательно-функционального своеобразия художественной рациональности нами и предлагалось к употреблению понятие инологичности, что указывает на отличный от дискурса способ и смысл развертывания художественной мысли - ее ценностнорациональную направленость, и главная ценность – особенность "Я". Эта доминанта присуща, на наш взгляд, и философскому мышлению. Тогда как научной рациональности и научному мышлению присуще использование дискурсии в выводах и доказательствах, ибо важен результат, а не человек.

Итак, научное, философское или художественное мышление есть разными информационно-интеллектуальными стратегиями обработки необходимой информации для человека при решении проблемы, обусловленными рядом неодинаковых причин. Прежде всего, отличными мотивами или целями поиска и деятельности, а также процедурами и средствами их реализации, неодинаковым в них есть и их личностное начало - разная степень духовного развития человека. Следовательно, их результат, соответственно, так же отличается по своему значению для развития человека и человечества. Если философское и художественное мышление имеет сугубо духовно-практический смысл, то научное

мышление обусловлено теоретическими и утилитарно-прагматическими человеческими запросами. Поэтому первые, как-будто, нацелены к трансформации личности на гуманистических началах (стоит вспомнить хотя бы "культовые" произведения последних десятилетий и интерес публики к ним - Пауло Коэльо или Джоан Роулинг), а научное стремится к знанию как действенного средства видоизменения среды человеческого существования (и не всегда этико-нравственные регулятивы учитываются носителями такой мыслительной стратегии).

При рассмотрении содержательно-функциональной нагрузки особого вида мышления - образного типа, следует подчеркнуть его содержательно-функциональную неоднородность. Поэтому следует говорить о возможности типологизации этого явления, в частности по критерию смысловой нагрузки и формы репрезентации последствий самого мыслительного акта. Сейчас следует, на наш взгляд, поставить вопрос об уместности использования понятия "вид художественного мышления" при качественном анализе этого явления, а также понятия "форма художественного мышления", которое фиксирует количественный ракурс существования данного объекта.

При выделении форм художественного мышления - по критерию специфики материала и средств репрезентации художественной мысли - можно рассматривать пластичное, эпическое, поэтическое, музыкальное или т.п. мышление.

По признаку видовой специфики, обусловленной содержательно-функциональным своеобразием, в структуре художественного мышления представляется уместным выделять художественно-проектное, художественно-образное и художественно-экспрессивное мышление. Понятие вида, как известно, выступает важным элементом систематики сложного объекта исследования. И именно таким, по нашему убеждению, является феномен художественного мышления. Поэтому оправданной представляется попытка его типологизации по видовым признакам, ведь идет речь о разных уровнях процесса обобщения. Кроме того, следует указать, что выделение указанных видов сделано не по операционно-процессуальной специфике, именно оперированием образным или преимущественно образным информационным субстратом при порождении мысли, а на основе обращения внимания на его содержательно-функциональную нагрузку.

При осмыслении своеобразия и характерных признаков художественно-образного мышления стоит отметить, что его ведущими функциями выступают, на наш взгляд, игрово-развлекательное и компенсаторно-гедонистическое начала в творчестве человека. Следует также подчеркнуть, что сферой применения художественно-образного мышления выступает, прежде всего, изобразительное искусство, а следствием является создание художественного образа или их системы, которые в каждом конкретном случае (в зависимости от вида искусства или его жанра) приобретают особенное образное выражение или символичную знаковую фиксацию. Истоки такой разновидности человеческого мышления коренятся в значительной степени эстетического и общего развития человека как личности и, кроме того, в своеобразии информационной проработки им актуальной проблемы. Она зависит не только от его профессионального опыта и навыков, но

также и ценностно-мотивационной основы его жизни.

Относительно природы и своеобразия художественно-проектного мышления хотим подчеркнуть, что оно, прежде всего, обеспечивает в результате возникновение человекосоразмерных предметов или их групп (систем) и гармонизацию среды непосредственного существования человека или определенной группы. Другими словами, можно сказать, что оно стимулирует привнесение в значительной степени эстетического момента в различные сферы человеческой жизнедеятельности, те, для которых важны проектные основания. То есть, такая разновидность человеческого мышления базируется на художественных принципах композиции и порождает, в конце концов, социально ценную новацию (в культурном смысле). Однако, степень его представленности на разных этапах развития цивилизации или в локально-культурных проявлениях, конечно, неодинакова из-за разности духовно-практических запросов как конкретного человека при социализации и инкультурации, так и сообщества. Сферой его применения выступают те практики, для которых ценным есть эстетический момент: прикладные и декоративно-прикладные искусства, промышленный дизайн или художественное моделирование одежды и т.п. Относительно функциональной направленности художественно-проектного мышления укажем, что можна констатировать преобладание в нем практически-прагматической функции над игрово-развлекательной. Но не менее значимой представляется для него информационно-ориентирующая составляющая. Причем имеет ценность информация не только (и иногда не столько) о социальных объектах, но природных, ведь речь идет о формообразовании и поиске оригинальной предметной формы, приятной и полезной человеку. Подражание природным аналогам часто выступает источником появления новой формообразующей идеи. Кроме того, важной выступает в данном случае не столько индивидуально ценная информация, а социальная память, к которой обращается носитель такой разновидности мышления.

Стоит учитывать, что научение, конечно, важно и для художника – как носителя художественно-образного мышления, как и опора его на определенную художественную традицию. И для последнего важно посредством фантазии, прежде всего, выйти за рамки устоявшегося, не нарушив при этом границы дозволенного (насколько подобное удается - это другое дело). Инновационность созданного им продукта предполагает не только новизну или оригинальность, но и яркую демонстрацию авторского начала (прежде всего, подобное наблюдаем в культурной традиции Европы). Относительно носителя художественно-проектного мышления ситуация, на наш взгляд, несколько иная, когда речь идет о ценности научение и зависимости от существующей традиции (национально-культурной и художественной) и национальной (этнической) ментальности. Например, в декоративно-прикладном искусстве традиция - основа технического мастерства автора, а также основной источник формообразующих идей при поиске и находке наиболее адекватной формы. Личность автора здесь имеет более анонимный характер, чем при появлении инновации в изобразительном искусстве. Раскованность его мысли, конечно, тоже ценится. Но здесь осуществить

реконструкцию духовных запросов или же специфику личностных черт, мировоззрения, мотивационно-ценностных характеристик и т.д. человека, как носителя художественного мышления, гораздо труднее, чем при исследовании авторского начала, например, жипописного полотна или музыкальной композиции. Следовательно, в художественно-проектном мышлении коммуникативная составляющая менее проявленная, нежели в художественно-образном мышлении. Истоком появления любого рукотворного предмета или конструкции, действия или инновации, мечты или фантазии, надежды или поступка, которые являются основой человеческого способа существования в мире, всегда выступает особая основа – мышление конкретного человека. Другими словами последнее выступает так сказать точкой отсчета в организации предметно-преобразующей деятельности человека, его познания и творчества.

Однако, как рассматривалось выше, несмотря на длительное исследование мышления оно, все же, продолжает оставаться "большой тайной" (Аврелий Августин), которая только немного приоткрыла отдельные свои грани. И одной из важных проблем современной науки, как естественной, так и гуманитарной, выступает наличие у человека, как биосоциального существа, различных типов и видов мышления. И в целом имеет место своеобразное "распыление" понимания проблемы содержательных разновидностей мышления или, как представляется более точным, мыслительных стратегий в контексте анализа других научных проблем. В частности, исследователи касаются вопроса своеобразия и потенциала художественного мышления при анализе стимулов художественного творчества, природы художественного образа, прогностических потенций искусства и т.д. Но при этом остается как бы на периферии научного интереса вопрос его детерминант. (Правда, и вопрос природы научного мышления тоже не привлекает значительного внимания ученых, в отличие от рассмотрения его специфики и потенциала). И происходит подобное, на наш взгляд, потому, что образное мышление как-то не особенно исследовано современной наукой.

Стоит отметить достаточно скромный материал исследований специфики образного мышления (идеи "эмоционального интеллекта" - Р. Бар-Он, М. Боуэн, Д. Гоулман, Ж. Крайг, "множественного интеллекта" Г. Гарднера, "бокового" или "шаблонного мышления" - Э. де Бонно, невербального мышления - Д. Майерс, П. Симонов и др.). Сейчас более или менее понятной есть позиция относительно психофизиологической основы образного мышления. Известно, что она обеспечивается деятельностью правого полушария головного мозга человека. То есть, различия между разновидностями мышления человека (за информационной основой) обусловленны неодинаковостью психических функций полушарий его головного мозга (в информационном аспекте). Считается, что левым полушарием реализуется последовательный анализ информации на основе дискретно-логических единиц мышления и речи, а правое полушарие одномоментно синтезирует информацию, используя образный материал. К тому же, и у человека, и у животного правое полушарие мозга преимущественно связано с реализацией врожденных и приобретенных автоматизмов, а левое включается в деятельность тогда, когда требуется анализ новых условий и активный поиск оптимальных в

конкретной ситуации решений (П. Симонов). Но в ситуации стресса, влияния современных коммуникационных технологий активизируется именно деятельность образных стратегий мышления. И человек отказывается от целенаправленного поиска адекватной информации и переходит к пассивно-имитационной деятельности, фантазированию, ролевым играм и т.п. Так провоцируется мифотворчество и усиление влияния ремифологизации мышления. Возможно, это причины, или одна из них, существования также и художественного творчества, и художественного мышления, как его основания, а также других стратегий образного мышления. Но возможно возрастание их значения обусловлено и тем, что современный человек довольно неуютно чувствует себя из-за избытка информации, тонет в "информационном море". И носитель стратегии художественного мышления чувствует себя более комфортно, благодаря гуманной основе, по его сути, эстетического опыта. Именно эстетического, а не художественного, ибо, например, так называемая нуарная эстетика явление довольно интересное, но базируется не на духовно созидательных моментах человеческого бытия, а скорее наоборот.

В итоге отметим, что современная наука только начинает прокладывать путь, как представляется, к пониманию ценности для человека, особенно в современных условиях, образного мышления. Хотя бы потому, что не все экспериментальные и клинические исследования однозначно свидетельствуют о справедливости идеи о связи образного мышления с деятельностью правого полушария головного мозга человека. Действительно, неоспоримым научным фактом является междуполушарная функциональная асимметрия мозга у него. Но есть и другие данные, которые дают основания для сомнений. По мнению, А. Андрианова, левое полушарие больше связано с языковой и знаковой абстрактно-символической деятельностью. А для правого преимущественно характерны синтетические, невербальные формы мышления на основе пространственно-чувственных взаимодействий. Иными словами, чувственное познание, как считается традиционно психофизиологами, связано преимущественное с функционированием в информационном аспекте правого полушария, а абстрактное - с работой левого. Но в нормально функционирующем мозге, - подчеркивает А. Андрианов, невозможно рассматривать их как существующие изолированно друг от друга.[16] Некоторые другие исследования локальных функций головного мозга человека обнаружили и другие интересные факты (Н. Трауготт, Е. Хомская). Так, при заболеваниях левого полушария у человека фиксируется нарушение таких интеллектуальных функций, как способность к абстрагированию, обобщению, символизации, вербализации, продуцированию логических суждений. А при поражении же правого полушария ситуация несколько иная: страдает способность

[16] Андрианов О. С. Проблема структурной организации правого и левого полушарий мозга // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / О. С. Андрианов. — М., 1986. — С. 9-13.

к оценке конкретной ситуации.[17] По мнению Е. Хомской, клинические и экспериментальные психологические исследования указывают на связь правого полушария с симультанной организацией психических функций человека: синтетической репрезентацией предмета - интегрированием различных признаков в единый образ, формированием мнемотичных образов предметов как своеобразных репрезентантов-эталонов.[18] Но заявлять о прямой зависимости символизации от правого полушария, как видим, не приходится. А она играет важную роль в стратегиях образного мышления.

Следует напомнить, что сейчас две противоположные базовые стратегии мышления - дискурсивная и недискурсивная, признаются обусловленными различными способами восприятия, обработки и, возможно, интерпретации информации. Поэтому первая признается связанной со способностью порождать понятия, суждения, умозаключения и оперировать ими при размышлении (именно она и обеспечивает, как считается, функционирование научного, технического или философского мышления). Не дискурсивным характером учеными в данном случае наделяется мышления, которое базируется на образной основе (например, художественное или мифологизированное). При таком понимании, специфика образной по происхождению мысли (и художественной в том числе) признается зависимой, прежде всего, от ее операционно-процессуальной основы, а не мотивационно-ценностной. И поэтому не придается должное значение чувственному опыту человека, в том числе и эстетическому. Таким образом, содержательная направленность мыслительных стратегий современного человека связывается пока не столько из своеобразием поставленных перед человеком творческих или практических заданий или его опытом, в том числе эстетическим, а особенностями самого механизма рассуждения. Поэтому и не учитывается влияние, прежде всего, личностных черт на формирование определенной стратегии мышления человека, если речь идет о взаимосвязи образа и мышления. Но ведь поиск информации, ее отбор и интерпретацию делает всегда конкретная личность – маленький мир, включенный в большой.

"Героический энтузиаст" или же "Человек эстетический" возможно потому и отличается от большинства современников, что для него ценностью всегда есть не просто чувственный опыт, а опыт чувственно позитивный, облагороженный так сказать эстетическим моментом – нацеленностью на поиск гармонии.

---

[17] Трауготт Н. Н. Межполушарные взаимодействия при локальных поражениях головного мозга // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга; [отв. ред. Е. Д. Хомская] / Н. Н. Трауготт. — М., 1986. — С. 14-22.

[18] Хомская Е. Д. Проблема факторов в нейропсихологии // Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / Е. Д. Хомская. — М., 1986. — С. 23-33.